

Аполлон Александрович Майков

http://az.lib.ru/m/majkow_a_a/

Об авторе:

-- русский ученый-славист, публицист. действительный статский советник, член корреспондент Петербургской АН (ныне РАН).

РАЗДѢЛЬ ТУРЦІИ.

"Русская Мысль", No 5, 1884

Императоръ Павелъ Петровичъ посѣтилъ однажды польскаго генерала Косцюшку, жившаго тогда въ Петербургѣ, и въ бесѣдѣ съ нимъ коснулся Польши. Императоръ порицалъ мысль раздѣла Польши и какъ бы пророчески говорилъ, что этотъ раздѣлъ послужитъ лишь ко вреду Россіи. Въ настоящее время мы дѣйствительно убѣдились въ великой ошибкѣ, допущенной въ царствованіе Екатерины Второй по льстивымъ, низкопоклоннымъ, неотступнымъ настояніямъ Фридриха Втораго. Авторитетъ Императора Павла Петровича тѣмъ болѣе важенъ для насъ, что подъ его личнымъ руководствомъ внѣшняя политика Россіи сразу выяснилась въ своихъ совершенно правильныхъ и вполне согласныхъ съ интересами Россіи отношеніяхъ. Это былъ для нея счастливый промежутокъ, послѣ котораго она сбилась на ложный путь, съ котораго, подъ гнетущею стѣсненностью политическихъ условій, до сихъ поръ сойти не можетъ. Въ короткій промежутокъ царствованія Павла Петровича могли быть намѣчены только главнѣйшія точки ея направленія, даны были только принципиальныя указанія. Въ лицо Австріи или тогдашней Священно-Римской имперіи смѣло и прямо брошенъ былъ укоръ въ лживости и коварствѣ, Предательскій и неблагодарный поступокъ ея съ арміею Суворова, сражавшеюся за династическіе интересы Габсбургско-Лотарингскаго дома, послужилъ еще однимъ лишнимъ поводомъ къ тому, чтобы Императоръ Павелъ, опредѣлившій вѣрно нечестную политику сосѣдней имперіи, устранилъ всякую дружбу, всякое совмѣстное дѣйствіе между ею и Россіею. Вся дальнѣйшая исторія Австріи до нынѣшнихъ дней включительно подтверждаетъ правильность такого взгляда. Открытый и рѣшительный образъ дѣйствій относительно Священно-Римской имперіи, такой, какой приличенъ Россіи, останется поучительнымъ до тѣхъ поръ, пока Россія вновь не усвоитъ его себѣ. Только въ то время возможны были такія сильныя и не въ бровь, а прямо въ глазъ обличительныя письма, какія, на примѣръ, адмиралъ Ушаковъ, крейсировавшій въ Архипелагѣ и у береговъ Адриатическаго моря, посылалъ австрійскому консулу, приглашая его или прекратить интриги въ Черногоріи и Албаніи, вредныя видамъ Россіи, или совсѣмъ удалиться изъ тѣхъ мѣстъ,-- и консулъ повиновался. Указываю на этотъ случай какъ на одинъ изъ отголосковъ той могучей и безстрашной воли, которая не стѣснялась называть черное чернымъ и относиться съ отвращеніемъ ко всякой неправдѣ. Съ Пруссіею Императоръ Павелъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Франціи, къ ужасу всей Европы, онъ протянулъ державную руку и заключилъ съ нею миръ и дружбу: бюстъ Наполеона явился въ кабинетъ Императора Павла. И теперь лучшіе умы, стоящіе выше предразсудковъ, личныхъ склонностей и ложныхъ предубѣждений, считаютъ союзъ Россіи съ Франціей) самымъ естественнымъ и наиболѣе выгоднымъ для обоихъ государствъ. Когда сгладятся рѣзкія крайности тамъ и тутъ, тогда самая сила вещей установитъ этотъ союзъ, на который впервые указалъ Императоръ Павелъ. 40 тысячъ казаковъ, получившихъ высочайшій приказъ идти въ походъ къ границамъ

Индіи, были первою, такъ сказать, стрѣлою, направленною въ ахиллесову пятю неприступнаго Албіона. Нѣтъ нужды, что при тогдашнихъ условіяхъ походъ этотъ не могъ быть удачнымъ: дѣло въ самой мысли этого похода. Время мало-помалу оправдываетъ осуществимость этой мысли. Англичане, которымъ нельзя отказать въ превосходствѣ ума и дальновидности, уже признали возможность движенія русскихъ къ Индіи, и потому они стараются обезопасить свои индійскія владѣнія многолѣтнимъ послѣдовательнымъ рядомъ стратегическихъ мѣръ, каковы: укрѣпленіе Пенджаба, проведеніе сѣверныхъ желѣзнодорожныхъ линій, усиленіе гарнизоновъ въ сѣверныхъ пограничныхъ городахъ, занятіе горныхъ проходовъ Хайберскаго и Боландскаго, ведущихъ въ Афганистанъ, продолженіе желѣзной дороги въ Кветту, предполагаемое занятіе Кандагара, назначеніе пенсіи афганскому эмиру Абдуррахману и заключеніе съ нимъ договора, въ силу котораго эмиръ свою внѣшнюю политику подчинилъ указаніямъ Англіи. Какъ бы то ни было, но Императоръ Павелъ первый указалъ въ ту сторону, гдѣ для Россіи возможно уравниваніе своихъ отношеній къ Англіи, если бы послѣдняя обнаружила къ ней свою непріязнь, попавши подъ управленіе новаго Пальмерстона или новаго д'Израэли.

Не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ отвергать глубокую правдивость политической системы, начертанной Императоромъ Павломъ. Если послѣ него она была измѣнена, то это нисколько не доказываетъ ея ошибочности, а свидѣтельствуешь только, что послѣ него воспребладало иноземное вліяніе и не нашлось людей, которые сдумали бы опредѣлить основную, непреложную и самобытную политику Россіи и въ ней опознаться настолько, чтобы всѣ измѣненія, уклоненія, усложненія, вызываемыя даннымъ временемъ и случайными обстоятельствами, если бы даже и замедляли шествіе этой основной политики,---все-таки, не отрицали бы ея, не противорѣчили бы ей, не упраздняли бы ея. Да едва ли и есть у Россіи такая преемственная, краеугольная политика. По крайней мѣрѣ, прослѣдить ее нельзя за все нынѣшнее столѣтіе. Другіе не вѣрятъ этому и даже изобрѣтаютъ "Завѣщаніе Петра Великаго", навязывая его Россіи за неимѣніемъ съ ея стороны данныхъ, которыя проявляли бы строгую систематичность и преемственность ея основной политики даже въ тѣ времена, когда она господствовала въ Европѣ и могла дѣйствовать свободно въ своихъ собственныхъ интересахъ. Вотъ почему для насъ и важны основы нашей внѣшней политики, столь вѣрно, хотя и кратковременно, намѣченныя Императоромъ Павломъ.

Велика была ошибка, совершенная чрезъ раздѣлъ Польши; но она извиняется тогдашнимъ временемъ. Во-первыхъ, начало народности еще не получало тогда политическаго значенія; во-вторыхъ, положеніе Россіи относительно монархій Габсбурговъ и Гогенцолерновъ было вовсе не таково, какимъ оно сдѣлалось въ настоящее время; тогда всякій, засмѣялся бы и счелъ бы ироніей, если бы услыхалъ, что Пруссія и Австрія страшны для Россіи и что Россія принуждена, какъ третье лицо, заискивать въ ихъ двойственномъ союзѣ и даже подчиняться его условіямъ въ отвращеніе грозящей съ ихъ стороны опасности. Въ-третьихъ, внутреннее состояніе Польши было безпорядочно до послѣдней крайности. Польша утратила всякую государственность и сдѣлалась безсильна передъ внѣшними врагами, и если бы Екатерина не согласилась на раздѣлъ ея, то Россіи пришлось бы одной отражать нападенія на польскія области. Тѣмъ не менѣе, со свойственною нѣмецкой политикѣ послѣдовательностію, пользуясь выгодами добычи, Пруссія и Австрія умѣли довести польское дѣло до того положенія, въ которомъ оно теперь стало угрозою для Россіи.

Екатерина сдѣлала неохотную уступку надоѣдливому Фридриху; но если обстоятельства и извиняли въ то время такой поступокъ, и если предвидѣнію человѣческому есть предѣлъ, за которымъ самый глубокой умъ встрѣчаетъ одну только неизвѣстность, то, съ другой стороны, внѣ всякихъ условій и обстоятельствъ времени, мысль раздѣла, сама по себѣ взятая, по основному смыслу своему, настолько неестественна и противна человѣчности, что во всякомъ случаѣ приведеніе ея въ дѣйствіе есть уже грубая политическая ошибка, и если бы даже нельзя было предугадать всѣхъ ея дальнѣйшихъ послѣдствій, то уже a priori она не могла бы быть допущена къ осуществленію. вмѣсто того, чтобы ломать цѣлое государство и разчленять народъ подъ инородную власть, лучше бы. было возстановить государственное начало въ Польшѣ, введя ее въ сферу интересовъ Россіи. Пруссія и Австрія при взаимномъ тогдашнемъ соперничествѣ не имѣли бы достаточно вѣса, чтобы помѣшать тихой, постепенной работѣ Россіи надъ упорядоченіемъ польскаго государства. Польша съ возстановленнымъ въ ней руками Россіи государственнымъ порядкомъ не могла быть опасна для Россіи, такъ какъ подчинялась бы ея преобладающему вліянію, да и силы ея не могли никоимъ образомъ идти въ сравненіе съ силами Россіи. За то Пруссія и Австрія не увеличились бы географически насчетъ польскихъ земель; Галиція, какъ область чисто русская, вошла бы въ предѣлы Россіи, а собственно польскія области: Великая Польша, Малая Польша (за исключеніемъ русскихъ земель) и Пруссія съ Поморьемъ составили бы независимое политическое тѣло -- преграду между нѣмецкимъ и русскимъ племенемъ, съ естественною склонностію къ Россіи, такъ какъ вражда къ русскимъ возникла въ полякахъ только уже вслѣдствіе раздѣловъ. Также и въ религіозномъ отношеніи католическое духовенство съ іезуитами во главѣ не могло бы такъ фанатизировать поляковъ, какъ это оно дѣлаетъ теперь, пользуясь враждебнымъ ихъ настроеніемъ къ Россіи и само возбуждая и усиливая это настроеніе. Польша въ одно время, вслѣдствіе, гуситскаго движенія въ чехахъ, чуть не вся была протестантской, потомъ въ ней оставались греко-уніаты и диссиденты: поляки никогда не были такъ сильно склонны къ католичеству, какъ, напримѣръ, латинскіе народы; слѣдовательно, при умномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій католичество умѣрялось бы протестантизмомъ и не могло бы сдѣлаться подпольною политическою силою, какою она является теперь.

По поводу этой ошибки предъидущаго царствованія и бесѣдовалъ Императоръ Павелъ съ Косцюшкою. Въ его умѣ слагалось что-то новое, которое ему не удалось выполнить. Но заключеніе конвенціи съ Пруссіею и Австріей) объ окончательномъ улаженіи польскихъ дѣлъ, возвращеніе многихъ поляковъ изъ ссылки и изъ-за границы, и прекращеніе преслѣдованія польской народности уже ясно показываютъ, въ какомъ смыслѣ намѣревался онъ дѣйствовать, такъ что отдѣленіе отъ Пруссіи Варшавскаго герцогства по вѣнскому трактату по учрежденіи Царства Польскаго. при Александрѣ I имѣло освободительное значеніе, истекавшее изъ преднамѣреній Императора Павла.

Эти авторитеты настолько для насъ важны при опредѣленіи значенія польскихъ раздѣловъ, что достаточно будетъ, если мы ими и ограничимся въ политическомъ отношеніи.

Но паденіе Польши имѣетъ еще и другую невыгодную сторону. Почти половина Польши досталась Пруссіи. Какъ предводительница нѣмецкаго племени, Пруссія ведетъ съ славянскимъ племенемъ борьбу за существованіе. Она вся стоитъ на могилахъ и костяхъ славянскихъ. Какъ піонеръ истребительной нѣмецкой

колонизації, она, благодаря русской оплошности или, вѣрнѣе, русскому невѣжеству, заручилась у себя подъ бокомъ на материкѣ Европы, гдѣ каждая пядь земли драгоцѣнна, обширными польскими землями, которыя мало- по малу населяются нѣмцами, а по сосѣдству прихватываютъ и земли русской Польши. Если бы не было раздѣла Польши, то не случилось бы и этого дикаго для XIX столѣтія истребленія одного племени другимъ. Странно въ наше просвѣщенное время видѣть это безчеловѣчное племенное пожирание на глазахъ Европы и на европейской почвѣ. Однако, это такъ. И племенная борьба все усиливается и все больше и больше, славянскихъ земель становится добычею нѣмецкаго племени.

Вѣрующіе въ живучесть славянскаго племени готовы вѣрить, что этому племени него представительницѣ. Россіи, какъ громадной, самобытной вели чинѣ, предстоитъ внести новую идею въ міровую жизнь человѣчества. Какая же эта новая идея? Не есть же она какое-нибудь внезапное наитіе с.выше: очевидно, она должна вытекать изъ общихъ свойствъ славянскаго племени. Опредѣленнѣе всѣхъ высказали ее чехи послѣ поѣздки на этнографическую выставку, бывшую въ Москвѣ въ 1867 году. Формула ея такова: "разнообразіе въ единствѣ". Дѣйствительно, вся многовѣковая исторія славянства подтверждаетъ, что славянскіе народы никогда не переносили взаимнаго подчиненія. Эта черта проникала отъ цѣлаго народа и въ отдѣльные княжескіе и боярскіе роды и далѣе въ среду народную. Благодаря этому коренному свойству славянъ" обширныя монархіи Святополка Моразскаго, Болеславовъ чешскихъ, Болеслава Храбраго польскаго и Душана Сильнаго сербскаго распались. Между поморскими славянскими народами шла непрерывная борьба; въ древней Россіи враждовали между собою удѣльные князья. Внутреннихъ раздоровъ, которые дробили цѣлый народъ на враждующія стороны, исполнена вся славянская исторія. Это свойство., которое ближе всего объяснить чувствомъ личной и народной самостоятельности, было бы безопасно для славянъ, если бы надъ ними, какъ надъ добычею своею, не сидѣли и не вперяли въ нихъ своихъ жадныхъ взоровъ ихъ вѣчные враги -- нѣмцы. Были и другіе враги: авары, мадьяры, татары, турки; всѣ они покорыстовались въ свое время славянскимъ достояніемъ. Прусскіе нѣмцы продолжаютъ и теперь истреблять славянъ; у австрійскихъ нѣмцевъ только недавно притупились когти; за то Австрія для себя и для Германіи перенесла истребительное нѣмецкое движеніе во вновь пріобрѣтенныя для нѣмецкой колонизаціи Боснію и Герцеговину. Оттуда сообщаютъ, что при содѣйствіи правительственныхъ властей колонизація идетъ успѣшно; поселяются здѣсь преимущественно рьяные католики изъ Тироля и южной Германіи; Австрія дошла до средневѣковаго варварства, прогнавши все славянское населеніе изъ Бокки Которской и предлагая нѣмецкимъ колонистамъ заселить эту землю. Неподатливость однихъ славянъ другимъ и внутреннія которыя привели, въ концѣ-концовъ, къ тому, что всѣ славяне, кромѣ великорусскихъ, утратили свою политическую независимость. По странному совпаденію крайностей, избѣгая своихъ родовитыхъ людей, они прибѣгали къ призванію себѣ властителей изъ другихъ земель: такъ поступили новгородскіе славяне, такъ потомъ думали поступить русскіе, приглашая, послѣ прекращенія Рюриковичей, королевича польскаго Владислава. По счастью русскіе славяне остановились на своемъ боярскомъ родѣ -- Романовыхъ. У другихъ славянъ было иначе. Такъ, въ Польшѣ были короли изъ домовъ Анжу, Вазы и Саксонскаго; въ Чехіи -- изъ Хорутанекаго, Люксембургскаго, Ягелло новъ и нѣсколько разъ Габсбургскаго. Если эта смѣна династій приносила имъ больше вреда, чѣмъ пользы, то вредоноснѣе оказалось личное соединеніе: хорваты вошли въ личное

соединеніе съ короною св.. Стефана; чехи -- съ короною Габсбурговъ; кончилось тѣмъ, что они обращены были въ прямое подданство: права ихъ на отдѣльную политическую самостоятельность были у нихъ отняты, и оиы введены были въ общій государственный составъ. Не избѣгли нѣкоторые славяне и участи прямого порабоженія: такъ, словаки были порабожены мадьярами, поморскіе славяне -- нѣмцами, сербы -- турками и поздѣе всѣхъ поляки, какъ и родственные имъ поморяне,-- тоже нѣмцами.

Такъ гибельно въ племени славянскомъ дѣйствовало господствующее еще и по днесъ въ Европѣ -- право порабоженія.

Не терпя въ нѣдрахъ своихъ даже добровольной подчиненности, славяне попадали въ другую крайность -- подчинялись инородной власти и теряли независимость.

Наоборотъ, еще издавна славянскіе народы, особливо ближайшіе между собою по языку и вѣрѣ, обнаруживали взаимное другъ къ другу тяготѣніе. Какъ образчикъ изъ старины, можно привести союзы ганзенскихъ городовъ на сѣверѣ Европы и далматинскихъ общинъ на югѣ. Въ основѣ взаимныхъ отношеній лежало начало добровольнаго соединенія равноправныхъ. Малая Русь воссоединилась съ Великою Русью на основаніи равноправія, были и другіе союзы, какъ, на примѣръ, у поморянъ, или у чеховъ съ поляками со времени гуситовъ, но историческія обстоятельства и главнѣйшее различіе вѣроисповѣданій и происки нѣмцевъ и католическаго духовенства, всегда державшихся правила ссорить славянъ между собою, а также и географическое положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣшали не только укрѣпленію, но и самому возстановленію союзовъ между славянами. Только въ послѣднее время, когда сознаніе народности укрѣпилось въ славянахъ, стала выработываться мысль о взаимномъ единеніи,-- мысль, всецѣло принадлежащая чехамъ, которые дали ей вышеупомянутую формулу: "разнообразіе въ единствѣ". Первая попытка къ политическому осуществленію этой мысли возникла въ "Обществѣ соединенныхъ славянъ", образовавшемся на югѣ Россіи въ 1823 году, по инициативѣ И. И. Борисова. Общество это выставило своею задачею федерацію восьми славянскихъ колѣнъ, обозначенныхъ въ восьмиугольной печати общества; въ этотъ союзъ должны были войти на нравѣ равенства и съ единообразнымъ правленіемъ Россія, Польша, Чехія, Моравія, Далмація, Хорватія, Венгрія съ Трансильваніею и Сербія съ Молдавіею) и Валахіею. Очевидно, мысль о равноправномъ союзѣ славянъ являлась здѣсь только въ зародышѣ, эмбрионически; самое включеніе въ этотъ союзъ мадьяръ и румынъ показываетъ, что "Общество соединенныхъ славянъ" еще не уяснило себѣ достаточно объема своей цѣли и средствъ къ ея достиженію. Поэтому оно важно только по раннему времени своего возникновенія.

Черезъ двадцать пять лѣтъ спустя, та же мысль, но уже въ болѣе ясномъ сознаніи и съ большею практичностью, проявилась между австрійскими славянами, какъ скоро ударъ 1848 года, разразившійся надъ властію Габсбурговъ, разбилъ на короткое время желѣзное нѣмецкое ярмо, тяготѣвшее надъ славянами. 31 мая 1848 года съѣхалось въ Прагѣ до 340 депутатовъ отъ всѣхъ славянскихъ народовъ,-- живущихъ въ Австріи. Воззваніе, разосланное предварительнымъ комитетомъ съ приглашеніемъ на съѣздъ, гласило, между прочимъ: "Братья славяне! Кто изъ насъ не взираетъ съ грустью на наше прошлое? Кому не извѣстно, что все, что мы претерпѣвали, произошло отъ нашего безсознанія и нашей разъединенности, отчуждавшей брата отъ брата? По послѣ долгаго ряда вѣковъ, въ которыхъ на насъ, забывшихъ другъ друга, сыпались бѣдствія, мы пришли, наконецъ, къ сознанію, что составляемъ единое цѣлое, что мы

братья между собою". Подъ этимъ воззваніемъ подписались графъ Тунъ, Шафарикъ, Падацкій, Гайка, Ригеръ. Штуръ, Миклошичъ, Любомирскій, Добрянскій и др. Когда собрался съѣздъ, предсѣдатель его Палацкій произнесъ вступительную рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: "Великій народъ славянскій никогда не утратилъ бы свободы, если бы самъ въ себѣ не раздробился на части, не отрекся своими отдѣлившимися частями отъ самого себя, не пошелъ по разнымъ дорогамъ въ разныя стороны. Славянскій народъ пребудетъ необоримымъ, коль, скоро въ сердцѣ его воспрянетъ голосъ свободы и взаимнаго согласія". Въ манифестѣ, изданномъ отъ съѣзда ко всѣмъ народамъ европейскимъ, говорится съ особеннымъ удареніемъ о томъ, что славяне уже познали самихъ себя не только въ языкѣ своего восьмидесяти-милліоннаго племени, но и въ созвучіи сердца и средствъ духовнаго развитія. "Свобода,- равенство и братство, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь будутъ нашимъ лозунгомъ". Затѣмъ манифестъ провозглашаетъ полную равноправность всѣхъ народностей - Австріи, осуждаетъ посягательства на преобладаніе со стороны нѣмцевъ и мадьяръ, а равно произволь правительства въ отношеніи той или другой народности и предлагаетъ создать цѣльность австрійской монархіи въ образѣ союза равноправныхъ народовъ, между которыми славяне должны пользоваться одинаковыми правами, какъ нѣмцы и мадьяры.

Еще двадцать лѣтъ спустя, изъ-той же Праги, какъ и изъ другихъ славянскихъ столицъ, слышались голоса представителей умственного развитія, о духовной взаимности славянъ.

Бо всѣхъ этихъ, какъ и другихъ подобныхъ многочисленныхъ заявленіяхъ. для насъ самое важное есть то, что во всѣхъ ихъ проходитъ сознательно выработанная и усвоенная передовыми умами мысль, что въ основѣ нравственнаго существа славянскаго племени лежатъ: свобода, равенство и взаимное непринужденное единеніе. Эти качества, будучи природными славянству, дѣйствовали въ немъ какъ непосредственная или стихійная сила, приводя лишь къ отрицательнымъ итогамъ вслѣдствіе того, что постоянное нарушеніе ихъ одними вызывало противодѣйствіе въ другихъ. Теперь же, когда исторія уже достаточно выяснила причины политическаго упадка славянъ, сознаніе передовыхъ славянскихъ умовъ начинаетъ усваивать положительное стремленіе, которое съ политической стороны выразилось для австрійскихъ народовъ въ манифестѣ пражскаго сейма, а со стороны духовной въ многочисленныхъ заявленіяхъ, вызванныхъ московскою этнографическою выставкою.

Къ сожалѣнію, это еще только первые проблески той идеи, которую, быть можетъ, и удастся когда-либо славянамъ ввести въ международное европейское общежитіе. Если бы понадобилось сдѣлать другое опредѣленіе этой мысли, выражающейся въ свободѣ, равенствѣ и взаимномъ согласіи, то мы не затруднились бы назвать ее началомъ соборнымъ. Дѣйствительно, это начало не допускаетъ ни преобладанія, ни насилія, ни разногласія: оно предполагаетъ непремѣнно союзъ равный и добровольный. Если мы примемъ въ соображеніе, что таково начало восточнаго вселенскаго православія, то поймемъ глубокую и полную справедливость того историческаго положенія, которое утверждаетъ, что вѣроисповѣданіемъ славянскимъ должно быть восточное вселенское православіе. Католичество, гдѣ главенство папы надъ всѣмъ міромъ, проходя чрезъ всѣ ступени церковной іерархіи, отражается и въ главенствѣ ксендза надъ своею паствою: гдѣ неограниченность церковной власти, угрозы, епитимьи, проклятія и отлученія замѣняютъ братскую любовь и всепрощеніе; гдѣ исповѣдь и причастіе употребляются орудіемъ

политической интриги; гдѣ въ видахъ мірскаго господства духовные отцы связываютъ самовластно свободу человѣческой совѣсти и насилуютъ человѣческую волю, направляя ее въ потребныхъ случаяхъ ко злу и оправдывая это зло,-- такая религія не соотвѣтствуетъ основнымъ свойствамъ славянской природы и потому она не въ духѣ славянства. Это мы еще недавно видѣли на хорватахъ, которые содѣйствовали и сочувствовали братоубійственной отдачѣ Босніи и Герцеговины въ управление Австріи; это мы видимъ на полякахъ, часто дѣйствующихъ противно духу и интересамъ славянскимъ. Гдѣ теперь смута? Въ Галиціи: поляки хотятъ господствовать надъ русскими, стѣсня ихъ политическія права, школы, общины, языкъ и вѣру; въ Босніи и Герцеговинѣ: хорваты хотятъ охорватить и окатоличить здѣшній сербскій народъ.

Такъ, къ великому прискорбію всѣхъ друзей славянства, еще не окончилась въ немъ первичная пора взаимныхъ усобицъ, столь гибельная для него, по собственному сознанию лучшихъ его умовъ. Но чувство свободы и равноправности,-- чувство, безъ котораго немислимо существо истиннаго славянина, столь же живучее, какъ и самое племя,-- борется съ насиліемъ и будетъ всегда бороться противъ всякаго притязанія на преобладаніе.

Вотъ почему тѣ, которые мѣшаютъ славянскимъ народамъ сдѣлаться вполне свободными и остаться самими собою, равно и тѣ, которые допускаютъ надъ ними насиліе и преобладаніе вопреки нравамъ равенства, и чрезъ то возбуждаютъ смуты вмѣсто взаимнаго согласія,-- тѣ совершаютъ преступленіе противъ священнѣйшаго, что только есть у народа.-- его духовнаго существа; тѣ "болій грѣхъ имутъ", нежели, самые насиллователи-иноплеменники.

Позволительно думать, что историческія науки сколько нужны для простаго смертнаго, столько же и еще болѣе нужны для государственнаго человѣка. Гдѣ слабѣе дѣйствуетъ постороннее регулирующее начало, какъ это бываетъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, тамъ замѣнъ контроля всего болѣе нужно руководство исторіи, разумѣется, при искреннемъ желаніи дѣйствовать въ пользу своего отечества. При всѣхъ блестящихъ дипломатическихъ качествахъ, при кровномъ происхожденіи отъ своей родной земли, при наилучшихъ намѣреніяхъ служить вѣрой и правдой -- исторія, познаваемая работою собственной мысли въ связи съ изученіемъ духа народнаго и племеннаго, освѣщаетъ путь государственному дѣятелю, обнаруживая предъ нимъ смыслъ того, что было и что есть. Къ сожалѣнію, у насъ дипломатическое образованіе зачастую витаетъ только по верхушкамъ обще-европейской поверхности, не имѣя ни корней въ научной почвѣ, ни твердости самостоятельнаго знанія. А если къ тому же не достааетъ дипломатическихъ способностей, а воодушевляющее чувство родства съ своимъ народомъ изсякло въ блѣдномъ и безжизненномъ космополитизмѣ, или его вовсе нѣтъ, то можно судить, какой опасности при такихъ условіяхъ подвергается направленіе внѣшнихъ дѣлъ.

Исторія до очевидности показываетъ, что польскій раздѣлъ послужилъ не въ пользу Россіи и въ ущербъ вообще славянской самостоятельности въ Европѣ; исторія раскрываетъ предъ нами и тайныя пружины, двигавшія этимъ раздѣломъ; исторія поучаетъ насъ, что внутренній смыслъ этого раздѣла противорѣчитъ основнымъ свойствамъ славянской природы; исторія же, наконецъ, предостерегаетъ насъ, что дѣйствія, совершаемыя нами по внушенію извнѣ, обращаются во вредъ намъ самимъ. Но этотъ урокъ исторіи остался празднымъ для насъ. Мы оказались не настолько вдумчивыми въ историческія событія и не настолько любопытными узнать свойства и судьбы своего племени, чтобы извлечь для себя пользу изъ откровеній исторіи. Мы не

придумали ничего лучшего нового и не отказались от рутины старыхъ задовъ, не требующей особенной разсудочной способности. Такимъ встрѣтилъ насъ проектъ новаго раздѣла, задуманный опять въ Берлинѣ и на этотъ разъ касавшійся Турецкой имперіи.

Какъ Фридрихъ II изъ исключительно прусскихъ видовъ склонилъ Екатерину II къ раздѣлу Польши, такъ послѣ франко-прусской войны Бисмаркъ исключительно для будущихъ выгодъ Германіи подбилъ кн. Горчакова къ раздѣлу Турціи. Трудно себѣ представить, чтобы русская дипломатія при наличныхъ своихъ силахъ отважилась на такое громадное дѣло,-- и это такъ. Несомнѣнный геній Бисмарка обуялъ умъ и волю русскаго канцлера. Было бы смѣшно обманывать себя и другихъ, увѣряя, что никакого раздѣла Турціи нѣтъ и не существуетъ даже въ предположеніи, какъ это однажды рѣшилась заявить съ салонною легкостію развязнаго дипломата петербургская дипломатическая газета. Намъ не нужно знать кабинетныхъ тайнъ, сокрытіе которыхъ отъ народа и общества дипломатія поставляетъ для себя чуть не священнымъ подвигомъ и чуть ли не важнѣйшею задачею своего служебнаго призванія. Событія, ихъ послѣдовательный ходъ и внутренній смыслъ имѣютъ ту неодолимую силу, что вскрываютъ наглядно для всякаго знающаго и разсуждающаго члена общества дипломатическія тайны, хранящіяся за семью замками. Въ событіяхъ можно читать то же, что писано въ тайныхъ протоколахъ, и по событіямъ, какъ и по протоколамъ, можно опредѣлять степень умственныхъ способностей и патриотизма главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Сербія и Румынія изъ вассальныхъ турецкихъ областей сдѣланы независимыми и навсегда потеряны для султана. Къ Черногоріи и Греціи прирѣзана частица султанскихъ владѣній. Боснія и Герцеговина изъяты изъ турецкаго управленія и отданы въ вѣдѣніе Австріи, которая выговорила себѣ и дальнѣйшее распространеніе своихъ владѣній а и dela de Mitroviza. Болгарія признана полунезависимымъ княжествомъ и находится подъ опекою Россіи. Въ виду у нея имѣется присоединеніе и Восточной Румеліи. Англія взяла себѣ Кипръ и присвоила попечительство надъ Египтомъ, ослабивши до послѣдней степени вассальную связь между нимъ и имперіею султана. Точно такъ же Франція поступила съ Тунисомъ. На очереди стоитъ установленіе покровительства Италіи надъ Триполемъ, вошедшее въ условіе присоединенія Италіи къ австро-германскому союзу. Не тотъ же ли это раздѣлъ и не тѣ же ли захваты, но только въ формѣ болѣе мягкой для слуха и болѣе приличной для дипломатической бумаги, притомъ болѣе дешевые и безопасные, чѣмъ прежніе захваты въ голомъ видѣ и исключительно военною силою?

Исторія раздѣла Турціи распадается на три части. Первая часть: это -- переговоры между Россіею, Германіею и Австріей), возникшіе, вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны, по мысли кн. Бисмарка. Главною цѣлью Бисмарка было отодвинуть Австрію центромъ ея тяжести подальше отъ Германіи и для этого сдѣлать ее восточною имперіею. Вѣковая гордость Габсбургскаго, дома, униженная, и оскорбленная двумя неудачными войнами съ Франціею и Пруссіею и земельными потерями, находила себѣ удовлетвореніе въ приобрѣтеніи новыхъ земель. Для Габсбурговъ все равно надъ кѣмъ бы ни царствовать, лишь бы царствовать, хотя бы надъ самымъ разноплеменнымъ агломератомъ. Еще въ 1866 году въ Никольсбургѣ Бисмаркъ говорилъ: "Балканская федерація невозможна; народы полуострова нуждаются въ европейскомъ протекторатѣ. Австрія лучше всѣхъ можетъ объединить ихъ своею политикою, выполняя эту задачу съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ

выполнила ее для дунайскихъ народовъ". Но съ этою мыслию Бисмаркъ связывалъ и затаенное желаніе ограничить по возможности Россію. Профессоръ Геффгенъ, другъ и поклонникъ Бисмарка, сообщаетъ, что любимую мечтою Бисмарка было привлечь къ этой австро-прусской стачкѣ и Англію. Тогда съ радостнымъ трепетомъ сердца желѣзный канцлеръ могъ бы воскликнуть, что "послѣднее звѣно желѣзнаго пояса (читай: около Россіи) сомкнулось". Но, прибавляетъ профессоръ, это было бы возможно лишь съ паденіемъ Гладстона. Начался рядъ ежегодныхъ свиданій императоровъ Вильгельма и Франца-Иосифа: въ 1872 г. въ Берлинѣ, въ 1873 г. въ Вѣнѣ, въ 1874 г. въ Ишлѣ, въ 1875 г. въ Ишлѣ, въ 1876 г. въ Зальцбургѣ, въ 1877 г. въ Ишлѣ. Въ переговоры втягивалась понемногу и Россія. Общія свиданія трехъ императоровъ и ихъ министровъ, кн. Бисмарка, гр. Андраши и кн. Горчакова, ихъ личные переговоры въ названныхъ городахъ привели къ установленію общаго плана дѣйствій относительно Турціи, который получилъ опредѣленную форму договора, какъ утверждаютъ, въ Гаштейнѣ въ 1876 году. Что договоръ, касавшійся Турціи, существовалъ между тремя имперіями и относился ко времени, предшествовавшему восточной смутѣ, это засвидѣтельствовало въ парламентѣ гр. Дерби, только что передъ тѣмъ, въ мартѣ 1878 г., оставившій должность министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Биконсфильда и, слѣдовательно, хорошо знавшій то, что происходило между кабинетами на европейскомъ материкѣ. Его публичное заявленіе, что между тремя имперіями еще задолго до войны было условлено о существенномъ переворотѣ въ Турецкой имперіи, подтвердилъ и герцогъ Аргайлъ въ оправданіе отказа гр. Дерби отъ подписанія берлинскаго меморандума, которымъ три союзныя имперіи предлагали остальнымъ великимъ державамъ принять сообща дѣйствительныя мѣры для вразумленія Порты. Эти свидѣтельства официальныхъ лицъ лондонскаго кабинета подтверждаются и разговоромъ лондонскаго посланника лорда Лофтуса съ Императоромъ Александромъ въ первыхъ числахъ ноября 1876 года въ Ливадіи. Лордъ Лофтусъ доносилъ своему правительству, что русскій Императоръ сказалъ ему, что не намѣренъ брать Константинополь, но что Россія можетъ занять Болгарію, а Австрія Боснію. Этотъ разговоръ показываетъ, что уже тогда былъ въ виду договоръ съ Австріею объ уступкѣ ей Босніи, тогда какъ Россія предоставляла себѣ Болгарію.

И такъ, еще до войны планъ раздѣла значительнѣйшей части Европейской Турціи между Австріею и Россіею былъ установленъ подъ обольстительнымъ наитіемъ Бисмарка.

Какой духъ подвинулъ кн. Горчакова соблазниться предложеніемъ Бисмарка? Россія въ то время пользовалась наиболѣе выгоднымъ положеніемъ. Франція, недавно обезсиленная войною съ Пруссіею, искала спокойствія и держала себя въ сторонѣ. Пруссія также не была готова къ другой войнѣ и занималась устроеніемъ Германской имперіи; одна Австрія, хотя и питала честолюбивые замыслы, по въ одиночествѣ ничего не могла предпринять. Слѣдовательно, если бы кн. Горчаковъ взвѣсилъ всѣ послѣдствія и самый смыслъ предлагаемаго ему столь крупнаго политическаго дѣйствія, то, въ случаѣ отказа съ его стороны, Россія могла бы оставаться столь же спокойною и съ такою же свободою дѣйствія, какою была до льстиваго предложенія, исходившаго изъ Берлина. Въ этомъ отказѣ ее подержала бы Англія, всегда дорожившая неприкосновенностію Турецкой имперіи. Ничто не принуждало Россію рѣшиться на такой шагъ, который вновь связывалъ ее обязательствомъ съ Австріею и Германіею, и былъ къ тому же не по силамъ русской дипломатіи. Раздѣлъ Турціи или, что то же, рѣшеніе восточнаго вопроса, въ которомъ была заинтересована вся Европа,

далеко важнѣе былъ польскаго раздѣла. Только ошибочная самоувѣренность или недостаточное взвѣшиваніе всѣхъ возможностей могли отважить русскаго канцлера на такое непосильное дѣло. Точь въ точь какъ Фридрихъ II льстилъ. Екатеринѣ и притворно преклонялся передъ великимъ ея духомъ, вовлекая ее незамѣтно въ свои виды на Польшу, такъ и Бисмаркъ ослѣплялъ кн. Горчакова разными обманчивыми мечтами, за которыми таилось искусно, скрываемое убѣжденіе, что безъ Россіи Австрія и Германія ничего не могутъ сдѣлать на Востокѣ. Нужно было во что бы то ни стало вовлечь Россію въ австро-германскіе замыслы и сдѣлать ее главнымъ орудіемъ ихъ исполненія, но такъ, чтобы она не замѣчала ни этихъ замысловъ, ни своей служебной роли, а потомъ всѣми выгодными послѣдствіями воспользоваться помимо нея. Съ другой стороны, если бы кн. Горчаковъ обратился къ указанію исторіи, то онъ усмотрѣлъ бы, что Россія была уже разъ обманута ея союзниками въ польскомъ дѣлѣ. И если бы затѣмъ онъ зналъ духъ народный, съ которымъ ему предстояло имѣть дѣло, то онъ убѣдился бы, что единственный и разумный исходъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса состоялъ бы не въ раздѣлѣ Турціи, а въ освобожденіи полною и безусловною балканскихъ народовъ и образованіи изъ нихъ равноправнаго союза. Такъ какъ для Россіи немислимо распространять свои владѣнія далѣе устьевъ Дуная, то въ чемъ же могла состоять равномѣрность раздѣла? Опеканіе Россіи надъ Болгаріей" кончилась ранѣе, чѣмъ даже можно было предполагать, а Австрія, между тѣмъ, утвердила свою болѣе вліятельную опеку надъ Сербіей" и захватила въ свои руки Боснію и Герцеговину. Это ли равномѣрность? Не то же ли это, что собственными средствами гнать воду на чужое колесо -- работать на другихъ?

Такова первая часть исторіи раздѣла Турціи. Она обнимаетъ предварительныя хлопоты Бисмарка въ стачкѣ съ Андраши о томъ, чтобы втянуть Россію въ планъ пріобрѣтенія для Австріи владѣній на Балканскомъ полуостровѣ. Мы видимъ, что послѣ пятилѣтнихъ ухаживаній за Россіею, Бисмарку удается окончательно заручиться согласіемъ Россіи. Это согласіе необходимо, потому что, если бы Россія оставалась въ сторонѣ, то Австріи, хотя бы въ единомысліи съ Германіею, не удалось бы завладѣть ни одной пядью турецкой земли. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, христіанская рѣзня какъ здѣсь, такъ и въ Болгаріи, и потомъ война Сербіи и Черногоріи съ Турціей" выставляются" какъ прямой поводъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи; освобожденіе христіанъ и улучшеніе ихъ положенія выдвигаются какъ прямая цѣль ея участія въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Австріи и Германіи. Этимъ самымъ задняя мысль двухъ союзниковъ втянуть. Россію въ свой союзъ единственно какъ орудіе въ достиженіи исключительно австро-германскихъ цѣлей, тщательно маскируется. Россія думаетъ дѣйствовать "самостоятельно" въ видахъ освободительныхъ и умиротворительныхъ, ей поддакиваютъ и она охотно вступаетъ въ договоръ. При этомъ забыть урокъ исторіи, забыть примѣръ неудачнаго раздѣла Польни, не обращено вниманія на нравственную сторону раздѣла, касавшагося сербовъ, какъ отрасли славянскаго племени, для котораго подчиненіе, всякой чужой власти нестерпимо, наконецъ, превышены интересы самой Россіи, не допускавшіе, чтобы ея прежнее покровительство или нравственное вліяніе въ задунайскихъ предѣлахъ было возведено на степень опеки и вмѣшательства во внутреннія дѣла Болгаріи. Союзники хорошо знали, что это мнимое и непосильное пріобрѣтеніе скоро уйдетъ изъ рукъ Россіи, тогда какъ Австрія останется съ хорошею добычею въ своихъ рукахъ. Съ этою цѣлью такъ и разсчитали они свои дѣйствія. Случилось то, что должно было случиться, когда одинъ болѣе сильный игрокъ ведетъ свои ходы обдуманно по своимъ расчетамъ,

а другой менѣ сильный игрокъ вынужденъ лишь сообразовать свои ходы съ ходами своего противника.

Вторая часть исторіи раздѣла Турціи открывается константинопольскою конференціею и оканчивается санъ-стефанскимъ предварительнымъ договоромъ. Англія опасалась войны между Россіей) и Турціей). Ея почину принадлежитъ сознание конференціи. Россія, увѣренная чистосердечно, что весь вопросъ заключается лишь въ улучшеніи порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ и что съ достиженіемъ согласія Порты на принятіе условій, предложенныхъ на конференціи маркизомъ Салисбюри, союзный гаштейнскій договоръ самъ собою упраздняется, охотно и прямодушно приняла предложеніе Англіи. Германія и Австрія, чтобы не разоблачить своихъ заднихъ намѣреній, также согласились на конференцію; Франція и Италія отнеслись почти безучастно. Но удачный исходъ конференціи долженъ былъ разрушить дѣйствительные замыслы Бисмарка, ибо тогда Австріи не удалось бы пріобрѣсти себѣ земли на Балканскомъ полуостровѣ. Настоящею цѣлью его было сорвать конференцію и довести Россію до войны, чтобы тѣмъ самымъ д^ать поводъ приведенію въ исполненіе гаштейнскаго договора о раздѣлѣ Турціи: война была необходима для Бисмарка какъ внѣшній толчокъ, послѣ котораго началось бы дѣятельное достиженіе предполагаемой цѣли.. Послѣ ноты Андраши, посланной Портѣ въ октябрь 1875 года, Россію стараются выдвинуть впередъ во всѣхъ переговорахъ. Россія довѣрчиво выступаетъ впередъ, воображая, что дѣйствуетъ самостоятельно, а въ сущности ея непримѣтно двигаютъ другіе съ тою цѣлью, чтобы при заранѣе намѣченной неудачѣ дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополѣ обязанность воевать съ Турціей) легла на одну Россію. Въ сложномъ сцѣпленіи интригъ, исходившихъ изъ Берлина, самую главную нитью проходитъ это послѣдовательное, выдвиганіе Россіи впередъ, сопровождаемое дружественными одобреніями. Кн. Горчаковъ дѣйствовалъ въ пріятной увѣренности, что прямою и единственною его цѣлью есть улучшеніе быта турецкихъ христіанъ; это такая святая и безкорыстная цѣль, что ему казалось не только возможнымъ, но и необходимымъ, въ силу парижскаго трактата, дѣйствовать въ европейскомъ концертѣ, въ единодушіи котораго, при уступчивости Россіи, онъ не сомнѣвался. Но такъ какъ во всемъ этомъ дѣлѣ незамѣтно проникала разлагающая струя австро-германской интриги, преслѣдовавшей своекорыстную цѣль, то европейскій концертъ, когда ему предстояло послѣ неудавшейся конференціи дѣйствовать рѣшительно, разлетѣлся мыльнымъ пузыремъ. *Journal de St. Petersbourg* пренаивно утверждалъ, что отказъ Порты есть оскорбленіе для всѣхъ державъ, что всѣ державы должны одинаково чувствовать эту обиду и что поэтому долгъ загладить ее лежитъ равно на всѣхъ. Не думала ли петербургская дипломатическая газета, что Англія, или Франція, или Италія будутъ воевать съ Турціей)? Не обидѣлись и не тронулись даже союзники Россіи -- ни Австрія, ни Германія. Они уже достигли своего. Одна, выдвинутая противъ Турціи, Россія я должна была одна объявить войну Турціи. Вотъ для чего ей и было предоставлено пока первенствующее мѣсто во всѣхъ предшествующихъ переговорахъ, такъ что отступленіе стало для нея невозможнымъ и война была неизбежна.

Въ нѣмецкой литературѣ, посвященной жизнеописанію здравствующаго еще пока князя Бисмарка, мы находимъ довольно осязательное разоблаченіе интригъ Бисмарка на константинопольской конференціи. Германскому и австрійскому посламъ было предписано ихъ правительствами дѣйствовать сообща и въ полномъ взаимномъ согласіи. Россію Бисмаркъ увѣрялъ, что всѣ выгоды въ случаѣ войны будутъ на ея

сторонѣ; онъ обезпечивалъ ея голосъ на конференціи поддержкою Германіи и Австріи; неуступчивость Порты онъ выставлялъ какъ непростительную дерзость, которую надлежало смирить если не убѣжденіемъ слова, то мечомъ. Портѣ, напротивъ, онъ изображалъ Россію слабою, сулилъ побѣду надъ Россіей" и поощрялъ къ сопротивленію. Англію, которая дѣйствительно не желала доводить дѣла до войны, онъ втянулъ въ свою игру, изъ боязни, чтобы ей не удалось мирно покончить дѣло конференціею. Англія повѣрила его искусственно составленнымъ соображеніямъ о вѣроятномъ исходѣ русско-турецкаго столкновенія и стала чрезъ своего представителя поддерживать интригу Германіи. Конференція окончилась неудачею, какъ того желалъ Бисмаркъ. Россія объявила войну Турціи. Это только и нужно было Бисмарку.

Какой бы исходъ ни имѣла начавшаяся война, въ которую втравили Россію, порядокъ вещей въ Турецкой имперіи долженъ былъ пошатнуться. Съ этой минуты открывалась возможность для Германіи и Австріи приступить уже къ дѣятельному исполненію ихъ плана, достаточно подготовленнаго чрезъ тройственный союзъ. Объявленіемъ войны Турціи роль Россіи въ этомъ союзѣ была уже выполнена. Втянутая въ тройственный союзъ пятилѣтними предшествовавшими переговорами, Россія согласилась предоставить Австріи занять Боснію и Герцеговину. Затѣмъ, незамѣтно увлекшись выставленною передъ нею какъ бы главною задачею умиротворенія Востока, Россія была выдвинута въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, но для того только, чтобы сдѣлать для себя войну съ Турціею неизбѣжною, послѣ того какъ закулисная австро-германскія интрига, подстрекнувшая Порту къ отказу отъ принятія ультиматума, изготовленнаго Англіею, разбила константинопольскую конференцію. Не замѣчая сама того, Россія выполняла свою служебную роль и выполнила ее до конца, внеся войну въ предѣлы Турецкой имперіи.

Тостъ, произнесенный Императоромъ Александромъ незадолго передъ войною за здоровье его "союзника" императора Франца-Иосифа, и возможность занятія Австріею Босніи, высказанная въ Ливадіи лорду Лофтусу, обнаруживаютъ, что въ расчеты Россіи входило совмѣстное съ нею дѣйствіе и Австріи. Этому вѣрилъ кн. Горчаковъ до самаго начала войны, когда гр. Сумароковъ ѣздилъ въ Вѣну съ предложеніемъ отъ Россіи приступить къ дѣйствію. Но тутъ-то и обозначилось, что цѣль тройственнаго союза уже была достигнута Австріею и Германіею) и что у двухъ стакнувшихся дворовъ начиналось развитіе ихъ плана, рассчитаннаго уже не на Россію, а на концертъ другихъ великихъ державъ, которымъ Россія добровольно изъявила готовность вручить результаты своей войны съ Турціею. Открывшаяся измѣна тройственному союзу была причиною того, что въ санъ-стефанскомъ договорѣ Боснія и Герцеговина оставались подъ управленіемъ Турціи. Дѣйствительно же не было никакого повода предоставлять ихъ Австріи.

Но воля побѣдившей Россіи уже не имѣла значенія. Предстояла, европейскій ареопагъ, отъ котораго Австрія и надѣялась получить Боснію и Герцеговину, гдѣ она къ тому времени искусно дотягивала и поддерживала возстаніе, не допуская перевѣса ни сербской, ни турецкой сторонѣ.

Третья часть исторіи раздѣла Турціи открывается берлинскимъ конгрессомъ. Надо думать, что до него другія великія державы еще не усвоили себѣ широкой мысли общаго раздѣла и своего участія въ немъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно догадываться изъ того, что Англія наканунѣ конгресса въ тихомолку запаслась островомъ Кипромъ по секретному соглашенію съ Турціею, состоявшемуся 4 іюня 1878 года. Кн. Бисмаркъ хорошо понималъ, что, извлеки для себя и Австріи всю. какую

можно было, выгоду изъ тройственного союза, онъ могъ получить окончательное разрѣшеніе на присоединеніе къ Австріи двухъ турецкихъ областей лишь оп. большинства европейскихъ державъ. Подчинивъ себя этому большинству; Россія ступшевывалась, теряя всякую силу преобладанія въ европейскомъ концертѣ. Нужно было, слѣдовательно, задобрить въ пользу Австріи другія великія державы. Пользуясь предсѣдательствомъ на конгрессѣ и правомъ маклера, Бисмаркъ устраиваетъ между открытыми засѣданіями рядъ частныхъ или закрытыхъ засѣданій, куда приглашаются лишь тѣ уполномоченные, которые ему нужны. И здѣсь-то рѣшается второй вопросъ о раздѣлѣ, Турціи въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Когда Австрія заняла своими войсками Боснію и Герцеговину, не сдержавши слова, даннаго черногорскому кн. Николаю, объ уступкѣ ему южной части Герцеговины, и готовилась къ дальнѣйшему захвату чрезъ Новобазарскій округъ до Солуня, общественное мнѣніе Англіи встревожилось насчетъ своихъ торговыхъ выгодъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ которомъ городъ Солунъ служитъ проводникомъ для англійскихъ товаровъ. Тогда газета *Times* разоблачила, на основаніи офиціозныхъ источниковъ, замыслы Австріи на цѣлую половину полуострова. Предполагалось подчинить верховенству Австріи всѣ мелкія государства и области по обѣ стороны Балкановъ, отъ береговъ Дуная до береговъ Егейскаго моря. *Times* указалъ и время, когда эти замыслы были пущены въ ходъ; именно они были предметомъ разговоровъ между нѣкоторыми дипломатами на берлинскомъ конгрессѣ. Другая, не менѣе свѣдущая англійская газета *Pall Mall Gazette*, съ своей стороны, вполне подтвердила сообщенія *Times'a*. Русская независимая печать не приминула сообщить о разоблаченіяхъ англійскихъ газетъ. Австрійскія газеты съ азартомъ и бранью накинулись на *Times* за ея нескромность. Дѣйствительно, всякое честное общество, а тѣмъ болѣе русское, непосредственно заинтересованное въ послѣдствіяхъ войны, которую вела одна Россія на свой счетъ, не могло не встревожиться безцеремоннымъ обращеніемъ съ результатами войны, добытыми русскою кровью и русскими деньгами. Вторженіе Австріи въ предѣлы славянскихъ православныхъ земель на Балканскомъ полуостровѣ имѣло значеніе прямо противоположное освободительной задачѣ, которой русской народъ принесъ такъ много жертвъ. Произошло нѣчто странное и непонятное съ русской патріотической точки зрѣнія: *Journai de St.-Petersbourg* ополчился на *Новое Время*, сдѣлавшее болѣе подробную выписку изъ *Times'a*,-- съ укоромъ въ легковѣрїи и съ плохо скрываемой досадой за нескромность. Петербургская дипломатическая газета возражала тѣмъ, что будто бы она не отыскала въ протоколахъ берлинскаго конгресса записанными- тѣхъ разговоровъ, о которыхъ упоминаетъ *Times*. Такой грубый цинизмъ возраженія газеты г. Горна, имѣющей привычку скрывать отъ публики все, что дѣлается во вредъ Россіи, еще болѣе убѣждаетъ въ достовѣрности тѣхъ источниковъ, откуда *Times* и *Pall Mall Gazette* почерпнули свои свѣдѣнія. Ничего не было естественнѣе, какъ то, что предсѣдатель и маклеръ конгресса имѣлъ въ виду подъ рукой выхлопотать - для Австріи побольше турецкихъ земель, чтобы тѣмъ удобнѣе ослабить ея нѣмецкую связь съ Германіей). Но надо было задобрить другія державы, кромѣ Россіи, въ которой, за исполненіемъ ея служебнаго долга, уже болѣе не нуждались. И вотъ съ лордомъ Биконсфильдомъ и маркизомъ Салнебюри заводится рѣчь объ Египтѣ. Представители Англіи молчаливы и воздержны: они знаютъ, что островъ Кипръ, половина акцій Суэзкаго канала и значительнѣйшая часть египетскихъ долговыхъ обязательствъ принадлежатъ Англіи, а потому и безъ услужливой готовности кн. Бисмарка Англія, когда найдетъ удобное время, можетъ заняться обработкою въ свою пользу Египта.

Тогда же у нея на первой очереди стояла отместка афганскому эмиру Ширь-Али за то, какъ смѣлъ онъ принять въ Кабулѣ запоздалое русское посольство съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ. Англійскіе представители вѣжливо оставили безъ послѣдствій разговора, съ ними честнаго маклера. За то голоса французскихъ уполномоченныхъ были куплены обѣщаніемъ Франціи Туниса. Дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству République Française, которая, будучи органомъ Гамбетты, не могла не знать доподлинно того, что происходило въ дипломатіи, еще до отъѣзда на берлинскій конгрессъ, Франція по требованію Ваддингтона заручилась отъ Англійи формальнымъ подтвержденіемъ правъ своихъ на Египетъ -- въ тотъ же самый день, 4 іюня 1878 г., въ который лордъ Биконсфильдъ пріобрѣлъ для Англійи по договору съ Турціей) островъ Кипръ. Черезъ это Англійа расположила на свою сторону Францію; но такъ какъ Англійа уже тогда имѣла въ виду оттереть Францію отъ Египта, то маркизь Салисбюри и германскій маклеръ обѣщали Франціи и Тунисъ. Нынѣшній министръ кабинета Гладстона, лордъ Гартингтонъ, въ своей рѣчи въ Дервенѣ, въ графствѣ Ландкаширѣ, 8 января 1883 г., заявилъ, что Франція заняла Тунисъ по предложенію Англійи. Что касается Италіи, то остается неизвѣстнымъ, былъ ли тогда обѣщанъ ей Триполи; но введеніе ея въ австро-германскій союзъ министромъ Манчини для обезпеченія на всякій случай отъ Франціи даетъ право ожидать, что въ недалекомъ будущемъ мы узнаемъ, что Италія беретъ подъ свое покровительство Триполи. Или, быть можетъ, Бисмаркъ полагаетъ, что доля Австріи въ раздѣлѣ Турціи не такъ еще значительна, чтобы допускать Италію въ Триполи? Во всякомъ случаѣ, такъ какъ одна Италія еще не покорыстовалась насчетъ владѣній турецкаго султана, а на сѣверномъ берегу Африки только Триполи, лежащій между Египтомъ и Тунисомъ, остается пока подъ верховенствомъ султана, то этотъ пробѣлъ безъ, всякаго сомнѣнія, будетъ восполненъ Италіей) при содѣйствіи Бисмарка. Не достааетъ, слѣдовательно, одной Италіи изъ числа великихъ державъ, чтобы первый раздѣлъ Турціи считать совершившимся вполнѣ.

"Честный" маклеръ, какъ называетъ себя Бисмаркъ, исполнилъ геніально свою роль. Сначала обманута была Россія черезъ аппаратъ тройственнаго союза. Когда она уже затянулась въ войну, Австріа отстранилась отъ совмѣстнаго съ нею дѣйствія и загородила ей дорогу черезъ Сербію, наведя, такимъ образомъ, на Плевну, поглотившую до 60 тысячъ русскаго войска; потомъ обмануть былъ Австріей) черногорскій князь Николай, ибо когда онъ послѣ ряда побѣдъ двигался впередъ для занятія южной Герцеговины, австрійскій повѣренный Тёммель попросилъ его остановиться и не идти далѣе. Обманута была Сербія тѣмъ, что, занявши оружіемъ послѣ неоднократныхъ побѣдъ надъ турками полосу земли вдоль своей восточной границы отъ Виддина на Дунаѣ чрезъ Бѣлградчикъ, Берковацъ, рофію, Радомиръ и Кюстендиль до Скопли, она была отодвинута оттуда русскими войсками, которыя всю эту полосу, гдѣ нѣтъ кореннаго болгарскаго населенія, а есть смѣшанное сербское, передали Болгаріи. Обманута была Франція приманкою Египта. Обманутою пока можетъ считать себя и Италія, оставаясь съ пустыми руками за свой голосъ на берлинскомъ конгрессѣ. Маклеръ отлично обработалъ то, что ему было нужно: не пожертвовавши ни одною косточкой померанскаго капрала, онъ можетъ съ удовольствіемъ взирать на свою исполненную столь ловко задачу въ восточномъ вопросѣ. Тогда какъ Россія, Сербія, Румынія, Черногорія, Австріа, Англійа и Франція расплатились болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ крови и денегъ, Германія мирно и спокойно достигла своей цѣли, для которой по почину Бисмарка и зажжень

былъ весь этотъ пожаръ на Востокъ, окончившійся переустройствомъ имперіи несчастнаго Абдуль-Гамида. Эта цѣль -- передвиженіе Австріи къ Востоку и расчищеніе для Германіи дальнѣйшаго пути къ будущему окончательному объединенію нѣмецкихъ земель.

Понятно послѣ всего этого торжество, съ которымъ встрѣчено было въ Вѣнѣ, Пештѣ и Лондонѣ окончаніе берлинскаго конгресса. Какъ скоро русскіе уполномоченные приложили къ послѣднему протоколу свои подписи, личина съ противниковъ ея, составлявшихъ европейскій концертъ, была сброшена. И въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, и Пештѣ громко провозгласили, что величайшею побѣдою на берлинскомъ конгрессѣ было предоставленіе Босніи и Герцеговины въ управленіе Австріи. Тогда уже не хотѣли скрывать, что открытіе для Австріи воротъ въ Балканскій полуостровъ для того, чтобы урѣзать и ограничить значеніе Россіи на Востокъ, было главнѣйшею цѣлью конгресса и главнѣйшимъ результатомъ, къ которому пришелъ европейскій концертъ. Маркизь Салисбюри, Тисса и Андраши съ своими сторонниками и преданные имъ органы печати громко ликовали побѣду надъ Россією; только Бисмаркъ хранилъ изъ приличія воздержное молчаніе. Человѣкъ не фразы, а дѣла, онъ спѣшилъ пожинать плоды своего маклерства на конгрессѣ.

Такимъ образомъ, средоточіемъ всей интриги, около котораго постепенно группировались событія, возбуждаемыя и направляемыя берлинскимъ маклеромъ, служило открытіе воротъ для Австріи въ турецкія владѣнія чрезъ Боснію и Герцеговину. Чрезъ это удовлетворенная Австрія становилась союзницею Германіи на тотъ случай, если бы, по выраженію Бисмарка, штыки Россіи и Франціи были когда-нибудь направлены въ сердце Германіи; чрезъ это открывалось въ самой Европѣ вмѣсто отдаленныхъ заморскихъ странъ, широкое поле для нѣмецкой колонизаціи; чрезъ это для будущей Германіи представлялась возможность окончательнаго воссоединенія, разумѣется, уже при другой комбинаціи, съ нѣмецкими землями нынѣшней Австріи; чрезъ это, наконецъ, создавался въ лицѣ Австріи наступательный противникъ Россіи на почвѣ Востока, когда-то ей одной принадлежавшей. Послѣ этого и Кипръ, и Египетъ, и Тунисъ могли представляться: Бисмарку лишь второстепенными въ сравненіи съ Боснією, Герцеговиною и землями *au dela rie Mitrovitza*.

Проникли ли наши дипломаты въ эту сѣть, въ это средоточіе маклерской интриги, явно сопряженной съ громаднымъ и постепенно возрастающимъ ущербомъ Россіи на Востокъ, ущербомъ столь уже чувствительнымъ, что по смыслу политической программы 4 марта 1881 года, обнародованной г. Гирсомъ, Россія замыкалась только уже къ своимъ собственнымъ предѣламъ и какъ бы отрекалась уже отъ внѣшней сферы своего вліянія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить 8-й протоколъ берлинскаго конгресса, гдѣ записано: "*Partes motifs le gouvernement de la reine propose aux puissances réunies que le congrès statue que les provinces de la Bosnie et de l'Herzegovine seront occupées et administrées par l'Autriche-Hongrie*". Предложеніе, какъ видно, исходило отъ англійскихъ уполномоченныхъ, потому что биконсфильдовская Англія состояла въ стачкѣ съ Германією и Австрією. На это кн. Горчаковъ отвѣчалъ: "*La Russie est-désintéressée dans la question, mais les considérations développées par le comte Andraszy, la proposition de lord Salisbury, appuyée par l'Allemagne, la France, l'Italie et par les explications si nettes de lord Beaconsfield, lui prouvent l'efficacité de la résolution préparée pour le but pacifique que le congrès désire atteindre*".

Кн. Горчаковъ, какъ видно, и не подозрѣвалъ, что на этомъ предложеніи вертѣлась вся восточная интрига Бисмарка, начавшаяся включеніемъ Россіи въ

тройственный союзъ и закончившаяся берлинскимъ конгрессомъ. Россія дала свое согласіе даже на безсрочный пропускъ Австріи въ балканскія страны, тогда какъ отъ нея не слѣдовало ожидать ничего другаго, какъ короткаго veto.

Майковъ.

"Русская Мысль", No 5, 1884